

ЯКУТСКИЙ, РУССКИЙ ЧЕЛОВЕК

Осенью прошлого года в редакцию журнала пришло письмо от контр-адмирала в отставке Анатолия Тихоновича Штырова.

*Главному редактору
журнала “Наш современник”
Станиславу Куняеву*

Уважаемый Станислав Юрьевич.

Если сочтёте возможным, напечатайте в журнале это стихотворение.

Сочинил его живой человек, и отнюдь не профессионал. В своё время он гремел среди и якутов, и русских, проживавших в районе Оймяконского улуса — Республики Саха-Якутия. И его до сих пор почитают все учителя и ученики окрестных школ. И, конечно же, работники музеев. Речь в стихотворении идёт о районе “полюса холода”, где река Индигирка, и недалеко оз. Лабынкыр, где до сих пор водится глубоководный земноводный ящер, подобный Лох-Несскому в Шотландии.

В тех краях температура зимой доходит до -71°C , а реки промерзают до дна.

Я лично был в тех краях и очень ценю тамошних людей, которые живут и трудятся там, причём с многими в переписке.

*Анатолий Штыров
12 октября 2011 г.*

Далее в письме шёл стихотворный текст, принадлежавший молодому уральскому поэту Борису Ручьёву, попавшему в 1937 году в эти края.

БОРИС РУЧЬЁВ

ОТРЫВОК ИЗ ПОЭМЫ “ПОЛЮС”

*В том краю, где я живу, не просто
Родину зовут Материком.
“Полюс” мой, как самый гиблый остров,
Даже почтальонам не знаком.*

*На строеньях здесь не вьются флаги.
Здесь на флаг утрачены права.
Жизнь идёт, как на архипелаге,
Ибо “зоны” — те же острова.*

*“Зона” — это как загон овечий
Для двуногой топотной овцы;
Где штыками гонят каждый вечер
И несут умерших молодцы.*

*За ограду жадным взором глядя,
Пайку получив за чёрный труд,
Здесь всея Руси Великой чада
Самые бессмертные живут.*

*Здесь ворьё любых мастей и наций,
У которых жизнь — тюремный срок;
Мастера поганых махинаций,
Вороньё со всех больших дорог.*

*Шулера, шестёрки и бандиты,
Где у “сильных” слабый — это раб,
Чьи тузы не в битвах, в карты биты.
Нет зубов, а руки, как у баб.*

*Хищный сброд калек людообразных,
Вечно даром бравших хлеб и кров.
У которых даже рты, как язвы,
От поганых непотребных слов.*

*Те, кто волком рыскал по России,
Сытой вошью ползал без забот...
Словом, перечислить я не в силе,
Кто на этом “полюсе” живёт.*

*Но при чём тут я? По чьей-то мести,
Человек рабочий и простой,
А терплю, живу с волками вместе,
Крепкою опутан клеветой.*

*Русский парень, жил я будто в сказке,
Жил трудом за совесть, не за страх.
Видел светлый мир без чёрной краски
В голубых и розовых цветах.*

*Потому ли сам, совсем зелёный,
Наглотавший кровушки с соплём,
На кострищах дымных опалённый,
Я попал на этот остров свой.*

*Я шагал, дрожа от снежной пыли,
Улыбаясь жителям, как друг:
Жители меня при встрече сбили,
Вырвав хлеб из ослабевших рук.*

*По баракам воры песни выли,
Стаей сбившись к свету и теплу.
Я ж дрожал от этой страшной были,
Брошенный в проходе на полу.*

*Хлебушка просил, до слёз голодный.
Вор кричал мне, злобы не тая:
“Подыхаешь? Сдохни ты сегодня,
Лучше на день позже сдохну я”.*

*Сколько горя от людей я видел.
Падал, поднимался, но молчал.
Сколько слов в неслыханной обиде
Проглотил от боли по ночам.*

*И тогда запомнил я навеки,
Разглядев в раздумье, не спеша —
До чего ж гноится в человеке
Ядовитой яростью душа!*

*И живёт в людском пристойном виде
Весь закоченелый, злой до слёз,
Всех живых боясь и ненавидя,
С голодухи озверелый пёс.*

*Испытав мороз и голод молча,
Грудью встретив камни и ножи,
Горд я тем, что не завыл по-волчьи,
В волчьей стае молодость прожив.*

*Даже крик свой, рвущийся наружу,
В горле сжав, чтоб не рвануться в бой,
Шёл я жить в предупренную стужу
Снова к жизни — в каменный забой.*

*Чёрный труд свой не прокляв ни разу,
Никого не сбивши в жизни с ног,
Горд я тем, что душу от заразы
Для друзей и Родины сберёг.*

*К ней в беде протягивая руки,
В утешенье думая о ней,
Часто пересилив сердца муки,
Я дышу свободней и ровней.*

*И спокойно вижу взглядом острым —
Взгляд у ээка бритвенно остёр —
Окольцованный снегами “остров”,
Страшный мир среди молчащих гор.*

Лагерь Куйдусун,
восточное Оймяконье,
район Усть-Нера,
1942–1945 гг.

В разговоре с А. Т. Штыровым удалось выяснить, что в далёкой Якутии живёт женщина по фамилии Боярова, которая многое знает о судьбе Бориса Ручьёва и о его жизни на “полюсе холода”. Редакция связалась с якутскими писателями и вскоре получила от них следующий материал...

* * *

Мария Поликарповна Боярова – заслуженный учитель Российской Федерации, почётный работник образования России – человек хорошо известный не только в Якутии, но и далеко за её пределами. И главная причина этой известности – созданный ею в маленьком селе Томтор, рядом с самим Полюсом холода – Оймяконом, уникальный школьный литературно-краеведческий музей. Все многочисленные экспозиции и немалые фонды этого музея, собранные за три десятилетия сельской учительницей и её учениками, посвящены только одной теме – жизни и творчеству репрессированных русских писателей, оказавшихся в колымских лагерях ГУЛАГа. Некоторые из них томилась на столь далёких от Оймякона “островах” зловещего “архипелага”, что никогда и не слышали о Полюсе холода, а вот Борис Ручьёв и Варлам Шаламов заканчивали свои сроки в лагере, который находился буквально в нескольких километрах от Томтора, и в их творчестве эпицентр якутской стужи отразился

всеми своими гранями. Не случайно одну из задуманных здесь, но не законченных поэм Борис Ручьёв так и назвал – “Полюс”. Долгие годы она была не известна читателю, и лишь благодаря подвижничеству таких людей, как Мария Поликарповна, увидела свет.

Вот как об этом рассказывает сама М. П. Боярова.

“В 1970 году я впервые прочитала книгу Бориса Ручьёва “Магнит-гора”. Поразила сила чувств и мыслей поэта, суровая и мужественная правда его поэзии.

Прошло несколько лет, и после очередного классного часа, посвящённого Борису Ручьёву, мы с моими учениками решили начать поиски. К тому времени мы знали только одно: Ручьёв в годы войны был неподалёку от нашего села. В своих воспоминаниях он писал: “Осенью 1941 года, после тяжёлых ожогов при пожаре тайги, я попал в больницу Оймьяконского дорожного участка Дальстроя. В три месяца преодолел острый кризисный период – заражение крови, едва избежав ампутации ноги и немного отдышавшись на больничной койке, я вновь, после четырёхлетнего перерыва, начал писать стихи”.

Мы выяснили, что больница упомянутого дорожного участка в те годы находилась в бывшем лагере, а ныне крошечном селе Куйдусуне, в трёх километрах от Томтора. Мы начали искать старожилов, но, к сожалению, в Куйдусуне не оказалось ни одного человека, кто бы жил там в годы войны.

Удача пришла неожиданно: наш земляк-оймяконец, бывший уже в глубоком возрасте, писатель Николай Максимович Заболоцкий рассказал, что, встретившись однажды с якутскими писателями где-то в Москве, Ручьёв вспомнил, как ему однажды пришлось принимать роды у женщины-якутки в далёком оймьяконском селе. Мы с ребятами тут же составили по документам сельсовета список родившихся в 1941–1943 годах и принялись вникать в “историю” рождения каждого из них. Женщиной, о которой говорил Борис Александрович, оказалась Екатерина Николаевна Винокурова, бывшая колхозница с отдалённого участка. Её уже давно не было в живых, но её родственники помнили “молодого красивого русского”, который спас Екатерину и ребёнка. Это было 18 сентября 1942 года. Екатерина пешком добиралась до больницы Томтора, но не успела: роды начались в пути. Её нашли дорожники и принесли в медпункт. Молоденький фельдшер Ручьёв сумел сделать всё, чтобы мать и дитя выжили, а потом долго выхаживал их. И откуда безграмотной якутке было знать, что её спасителем стал Борис Ручьёв, будущий лауреат Государственной премии России и кавалер нескольких орденов, чьё имя навечно останется в истории легендарной Магнитки. А тот малыш, которого назвали Дорием (от слова дорога, где он родился) тоже ничего не знал о Ручьёве, пока не получил письмо из школьного музея. Дорий Винокуров стал достойным человеком, заслуженным тренером, преподавателем. Нашёлся и ещё один оймьяконский “крестник” Ручьёва. Его, тогда ещё пастушонка-подростка, сбила машина. Парнишку с раздробленной ногой срочно привезли в медпункт в Куйдусун. Много дней он находился в тяжёлом состоянии, а когда приходил в сознание, видел перед собой внимательные голубые глаза молодого человека в белом халате. Чувствовал, как он постоянно массирует его бесчувственную ногу. А когда миновал кризис, подбадривал доброй улыбкой, ухаживал, как за малышом. Хотя сам заметно прихрамывал. Паренёк пролежал в больнице семь с половиной месяцев. Узнав об этом несчастье, одна из родственниц отправила пареньку костяную тросточку с металлической ручкой. Тросточка была чудесная, она была просто необходима больному, но тот, в знак глубочайшей благодарности, подарил её своему спасителю. Выздоровев, Ананий Винокуров до почтенного возраста лет честно проработал в родном селе. Когда я ему показала фотографию молодого Ручьёва, Ананий Степанович вёсь восторженно воскликнул: “Это он! Тот человек, который меня лечил!”

А потом мы решили написать письма близким и друзьям Бориса Александровича. Нам ответили Любовь Николаевна Ручьёва – жена поэта, которая заведовала его музеем-квартирой, Лидия Петровна Гальцева – литературовед, доктор филологических наук, автор книги о Ручьёве “Высокое откровение” и многих статей о нём, Михаил Михайлович Люгарин – поэт, ветеран Магнитки, близкий друг Ручьёва, Андрей Алдан-Семёнов. известный писатель, друг юности Ручьёва, Нина Георгиевна Кондратковская, поэт и журналист, и другие.

Как известно, Ручьёв был оклеветан и репрессирован в 1937 году. Тогда только начинала прокладываться печально известная трасса “Колыма” от

Магадана до Хандыги. Дорогу в крайне тяжёлых условиях строили заключённые, среди них и оказался осуждённый Борис Ручёв. Ожоги, полученные при тушении упомянутого пожара, надолго приковали его к постели. Но поэт мыслями и чувствами находился там, на войне, где лилась кровь его друзей, где решался вопрос жизни и смерти родной страны. На больничной койке рождались стихи.

*За счастье и за мир родного края
И мне пора бы с братьями в строю,
Оружие в руках своих сжимая,
С врагом заклятым встретиться в бою.
Но далеко колышутся знамёна,
Друзья идут в смертельный бой.
И в чутких снах долины Оймякона
Раскат боёв я слышу над собой.*

Поэт глубоко страдал от невозможности с оружием в руках защищать своё Отечество.

*В неистовых болях, в несносной тоске,
И днём мне и ночью не спится,
Дышу я, как рыба на жарком песке,
На койке полярной больницы.
И вижу вдали — в полумгле голубой
Над родиной тучи, на родине бой,
В огне золотые мои города,
Поля мои дымом повиты
От Тихого Дона до Невского льда...*

Позднее об этих стихах поэт писал: “Отшлифовывать слабые строки не могу, они дороги мне как подлинная запись моих колымских переживаний, первых, что вновь бросили меня к поэзии и возвратили к жизни”.

Здесь же, у нас, в Оймяконе, почти не пользуясь бумагой, “записывая” строки в памяти, поэт создаёт стихотворный цикл “Красное солнышко” — “через вечный полярный мороз в своём обмороженном теле Красным Солнышком душу пронёс...” Через годы он сам отметит в одном из предисловий: “Все 9 стихотворений “Красного солнышка” написаны в период между 1942—1956 годами. Писались они на Колыме, вернее — складывались в голове, на память, без бумаги, многие бесследно забывались. Всё, что выжило в голове, позднее записано на бумагу и осталось, как говорится, в живых”.

Пронести душу “красным солнышком” “через вечный полярный мороз” помогал поэту образ далёкой и любимой женщины.

*До боли обмораживая руки,
Порой до слёз тоскуя по огню,
В сухих глазах, поблекших от разлуки,
Одну тебя годами я храню.
Ты шла со мной по горным перевалам,
По льдинкам рек, с привала на привал,
Вела меня, когда я шёл усталым,
И грела грудь, когда я замерзал.
Чтоб знала ты: в полярный холод лютый,
В душе собирая горсть последних сил,
Я без тебя — не прожил ни минуты
И без тебя — ни шагу не ступил.*

Давно в снегах потерян портрет любимой женщины, но чудом уцелело её первое письмо, в котором строчки побледнели, точки выцвели давно, но до роже этого письма нет у поэта:

*На работу брал с собою,
От дождя его берёг.
Клал под камушек в забое,
Клал под спички в коробок.*

*Каждый вечер незаметно
От воров его скрывал,
Будто кровный и заветный
Мой последний капитал.*

В 1942–1945 годах Ручьёв работал над поэмой “Полюс”, в которой представлена целая галерея “отбросов общества”. С исключительной силой поэт запечатлел образ главного героя, мужественного честного парня, сумевшего “для друзей и родины сберечь” свою душу. Л. П. Гальцева, биограф Ручьёва, в книге “Высокое откровение” писала о том, что поэта особенно волновала тогда тема “бани”, тема “очищения России от родимых пятен прошлого”. Через эту баню должны были пройти бандиты и спекулянты, клеветники и воры, фальшивомонетчики и взяточники.

К сожалению, Ручьёв закончил только одну главу поэмы. Её, найденную в рукописях поэта, его вдова отправила в наш музей. И мы опубликовали её в нашем якутском литературном журнале “Полярная звезда”. Хотелось бы, чтобы её прочитал и всероссийский читатель”.